

— А у тебя когда-нибудь были травмы рук? — снова спросила Сюй Цзыжань.

Цю Юйжоу протянула ей ладонь, указывая на крошечный шрам на большом пальце:

— Только раз, в три или четыре года, порезалась ножницами.

Сюй Цзыжань разглядела белый выпуклый рубчик длиной около двух миллиметров. На идеальной, изящной кисти он выглядел как едва заметный изъём на безупречном нефрите, ничуть не портящий общей картины.

Видя, как сильно покраснели от холода эти прекрасные руки, Сюй Цзыжань невольно ощутила укол сожаления. На мгновение настоящее смешалось с будущим, и она, не раздумывая, крепко сжала руку девушки своими перчатками. Ощущая сквозь ткань ледяной холод, она проговорила:

— Почему без перчаток? Холодно же.

Сказав это, они обе замерли.

Цю Юйжоу не ожидала такого жеста, а Сюй Цзыжань внезапно осознала, как сильно потеряла бдительность. Это была не та Цю Юйжоу из будущего, с которой они делились воспоминаниями и строили планы на годы вперед. Перед ней была пятнадцатилетняя Цю Юйжоу, чья застенчивость доходила до того, что у Сюй Цзыжань начинала болеть голова.

Она разжала пальцы. Цю Юйжоу, красная как мак, смотрела на нее в ответ. Помолчав, она ничего не сказала, а лишь молча вложила наушник в ухо Сюй Цзыжань.

Вместе с холодом ее пальцев в ухо ворвался звук новостей BBC на английском.

6. Обычная семья

Сюй Цзыжань поняла, что это BBC, потому что именно благодаря изучению английского они с Цю Юйжоу снова сблизилась четыре года спустя. Тогда они обменивались методами обучения, Сюй Цзыжань жаловалась на скуку, а Цю Юйжоу советовала слушать новости. Чтобы получать файлы от подруги, они обменялись контактами и с тех пор стали общаться всё больше.

Оказывается, материалы, которые она тогда присылала, были для нее обычным делом еще в старшей школе.

Сюй Цзыжань была поражена. И тут же задумалась: почему же она раньше этого не замечала, ведь они просидели за одной партой больше двух лет? Она мучительно пыталась вспомнить что-то из школьных времен, но образ Цю Юйжоу оставался размытым: добрая, рассудительная, но вовсе не отличница. А ведь потом та поступила в один из лучших медицинских вузов мира — очевидно, с учебой у нее проблем не было.

Погруженная в раздумья, Сюй Цзыжань заметила:

— Слушать BBC прямо на ходу? Ты слишком увлечена учебой.

Цю Юйжоу, до этого смущенная, просияла:

— Ты узнала, что это BBC? Ты тоже слушаешь?

Пятнадцатилетняя Сюй Цзыжань, конечно, не слушала, но, будучи в душе двадцатидевятилетней, она не хотела упасть в грязь лицом перед девчонкой. Она прочистила горло и ответила:

— Ну да, изредка слушаю.

— А последние выпуски слышала? Там есть пара слов, которые я не совсем понимаю...

Видя, что Цю Юйжоу собирается завести разговор об учебе, Сюй Цзыжань впала в уныние — сейчас ее меньше всего интересовали занятия. Однако, услышав слова, о которых спрашивала подруга, она облегченно выдохнула: благодаря опыту из будущего она прекрасно знала их значения. Объяснив всё, она получила в ответ несколько искренних, радостных улыбок.

Глядя на эту улыбку, она первым делом подумала: отлично, режим сменился, задание выполнено, теперь-то объект не станет на меня злиться.

Стоило ей это подумать, как в голове раздался звон, и женский голос произнес: — Выполнено ежедневное задание 2: уровень удовлетворенности цели превысил 60 пунктов. Награда: 5 очков.

Сюй Цзыжань невольно расплылась в улыбке, чувствуя себя так, будто нашла легкую добычу.

Едва улыбка коснулась ее лица, как со стороны донеслось холодное фырканье.

Сюй Цзыжань осеклась и повернула голову. Мимо проезжали Тянь Цзяци и Мэн Шитао. Из-за ветра звук был неразборчив, и она не могла понять, кто именно фыркнул. Но при виде Тянь Цзяци на сердце стало тяжело. Тянь Цзяци проехала мимо, а вот Мэн Шитао притормозила, упершись ногой в асфальт, и обернулась.

Сюй Цзыжань и Цю Юйжоу поравнялись с ней. Мэн Шитао нахмурилась, переводя взгляд с одной на другую. У девушки было круглое лицо, широкий лоб, пухлый нос и губы — внешность не самая примечательная, но в ней чувствовалась природная, внушающая доверие зрелость. Сюй Цзыжань поняла, что та хочет что-то сказать, но ей совсем не хотелось слушать. Поэтому, прежде чем Мэн Шитао открыла рот, она бросила:

— Догоняй ее, ты дорогу перегородила.

Мэн Шитао подавилась словами, уставилась на Сюй Цзыжань и выпалила:

— Ты сегодня просто невыносима!

Сказав это, она нажала на педали и уехала.

Сюй Цзыжань тихо вздохнула, чувствуя во рту горечь. Она ведь была твердо уверена в своем решении, но сейчас ее решимость пошатнулась. В глубине души раздался едва слышный шепот: посмотри, ведь еще ничего не случилось.

Раз ничего не случилось, почему бы не дать шанс? Может, все сложится иначе?

Она сжала кулаки, стиснув зубы. Нет, это невозможно. Когда в двадцать пять лет Тянь Цзяци предала ее, Сюй Цзыжань никак не могла понять: как двадцатилетняя дружба проиграла какому-то мужчине? Но позже она осознала: в этом мире есть люди, которым суждено рано или поздно разойтись в разные стороны. И тогда эту истину ей открыла именно Цю Юйжоу.

Что бы она сказала сейчас, видя эту ситуацию?

Сюй Цзыжань украдкой взглянула на идущую рядом Цю Юйжоу — застенчивый взгляд, желание что-то сказать, но нерешительность.

...Ладно, забудь. Не буду ее мучить.

Они шли, слушая аудиозапись, пока на перекрестке Цю Юйжоу не прошептала:

— Мне в ту сторону, нам не по пути.

Сюй Цзыжань посмотрела на ее ногу:

— Давай я все же провожу тебя до дома.

Цю Юйжоу отказывалась. Они немного поспорили, и в итоге та, не жалея больной ноги, поспешила вскочить на велосипед. Сюй Цзыжань сдалась, наказала ей быть осторожнее и проводила взглядом.

Лишь когда фигура Цю Юйжоу скрылась из виду, она сама села на велосипед. Столько лет она не ездила на нем, но тело помнило всё. Вскоре она въехала на свою улицу и замерла, пораженная тем, насколько всё здесь одновременно знакомое и чужое.

Ряд деревьев гинкго, которые через десять лет будут пышно разрастаться, сейчас были лишь жалкими прутиками, дрожащими на ветру. Дорога, что будет разбита в будущем, сейчас только укладывалась. Кот, который через три года погибнет под колесами, лениво зевал на

заборе, а дерзкий подросток из соседнего дома сейчас был еще пускающим пузыри карапузом.

Сердце Сюй Цзыжань было полно противоречивых чувств. Сон это или реальность? Она не могла понять.

Наконец она доехала до ворот своего дома. За ними виднелась магнолия — голая, с сухими, черными ветвями. Она подошла к крашеным железным воротам, ощущая странный страх перед встречей с домом.

Если посчитать, она не была здесь три года. После двадцати пяти мать начала пилить ее из-за замужества. Сюй Цзыжань была поглощена бизнесом, переживала предательство, компания была на грани банкротства. Она не спала сутками, волосы выпадали клочьями, а дома ее ждали лишь бесконечные упреки о свадьбе и детях. В какой-то момент она перестала приезжать даже на праздники, лишь присылая видеосообщения, пока жизнь не наладилась. Но даже тогда разговоры о браке никуда не делись, словно проклятие.

Сюй Цзыжань остановилась, глубоко вдохнула и открыла дверь ключом.

Ее мать, Ляо Цзюаньцзы, с самого замужества была домохозяйкой, чьи интересы не выходили за рамки бытовых сплетен. Отец, Сюй Госин, работал мелким чиновником, отличался кристальной честностью и неприязнью к взяткам, поэтому семья жила скромно, но стабильно — как раз на уровне среднего достатка.

Обычно отец возвращался позже, но сегодня Сюй Цзыжань задержалась, так что он наверняка уже дома.

Проходя через двор, она увидела знакомую клумбу, черточки на стене, где измеряли ее рост, и каракули, которые сама же рисовала в детстве. Дверь была открыта. В прихожей она увидела туфли отца и услышала голос матери:

— Жаньжань? Почему так поздно?

Из кухни доносился запах еды, и напряжение, сковывавшее Сюй Цзыжань, начало отступать. Это не то будущее, где от нее требовали замужества — здесь она все еще послушная дочка, которой, скорее, запретят заводить парней.

Она вспомнила о письме в сумке и невольно усмехнулась. Интересно, кто его написал? Если мать увидит, будет читать нотации весь вечер.

Дом представлял собой двухэтажный коттедж: внизу гостиная, кухня и санузел, наверху — три комнаты. Сюй Цзыжань бросила сумку на диван и увидела родителей за столом. На ужин было четыре блюда, суп, рыба, курица, а в центре — целая кастрюля вареного картофеля. Пар валил столбом.

У Сюй Цзыжань задергался глаз. Она вспомнила странную привычку матери: готовить столько еды, сколько продуктов есть в доме, а потом забивать холодильник остатками.

Мать спросила:

— Где ты была? Соседка Цзяци уже давно дома.

Семья Тянь жила прямо перед ними, они были не разлей вода. Отец Тянь и отец Сюй были одноклассниками и земляками, почти братьями. Поэтому они с Тянь Цзяци дружили с пеленок. Сейчас одно упоминание имени подруги вызывало у Сюй Цзыжань раздражение, но, глядя на помолодевших родителей, она почувствовала прилив слез и постаралась сменить тему:

— Почему столько картошки?

— Бабушка прислала, со своего огорода, самая свежая, — ответила мать.

Отец недовольно фыркнул:

— Сколько бы ни было, всё сварила. Не съедим — выбросим, ты всё семейное состояние так проешь!

Мать нахмурилась:

— Думаешь, она не сгниет? Сварила, чтобы съесть. Не хочешь — не ешь!

Отец замолчал и принялся за еду. Сюй Цзыжань едва сдерживала смех: за десять лет ничего не изменилось, их манера общения осталась прежней.

Она сняла шарф и перчатки. Слушая их перебранку, она наконец ощутила твердую почву под ногами. Когда после ужина она откинулась на спинку стула, вспомнилось задание Системы: помочь маме помыть посуду (награда 5 очков).

Глядя на светящуюся надпись, она почувствовала укол совести — ведь она так редко это делала.

— Мам, давай я сегодня помогу с посудой.

Ожидаемой сцены с прослезившейся матерью не случилось. Мать махнула тряпкой:

— Что, уроки делать не хочешь? Марш за книжки!

Сюй Цзыжань: «...»

После долгих уговоров она все же помыла посуду под строгим надзором матери, а затем была

отправлена в свою комнату учиться. Глядя на гору тетрадей, она снова почувствовала, что жизнь потеряла краски. Только она подумала, когда же этот кошмар закончится, как увидела то самое письмо, которое Мэн Шитао отобрала у нее ранее.

Она приподняла бровь и вытащила его из учебников.

7. Этот вечер

Честно говоря, Сюй Цзыжань почувствовала легкое волнение. Она помнила, что в школе была популярна и получала много писем, но с тех пор прошло столько времени...

Она улыбнулась, закрыла дверь на замок, включила лампу и вскрыла конверт. Улыбка мгновенно застыла на ее лице, словно она окаменела.

С первой же строки — «Дорогая Жаньжань» — она все поняла. Письмо написала Тянь Цзяци.

Остальные звали ее «Зирань» (как специю), но Тянь Цзяци, как и родители, звала ее «Жаньжань». До двадцати лет почерк Тянь Цзяци был наклонен влево, и только потом, решив писать красиво, она целый год занималась каллиграфией. Но в моменты невнимательности старая привычка проступала вновь.

Сюй Цзыжань прочитала начало и прижала письмо к столу, не в силах продолжать. В школе они обожали игру в переписку — некоторые вещи проще было доверить бумаге. Они играли в это пять лет, даже когда разъехались по разным университетам.

Когда эта игра закончилась? На третьем курсе, когда Тянь Цзяци влюбилась.

Письма перестали приходить. Сюй Цзыжань помнила, как бродила тогда по улице, а ночью, сидя на бордюре, пыталась написать сообщение, стирала его и в итоге отправила лишь: «Забудь, я слишком занята, больше не пишем». Тянь Цзяци ответила: «Хорошо».

Сейчас она понимала, что тогда они попрощались с чем-то куда более важным, чем просто письма.

Она сидела, глядя в пустоту, вспоминая Тянь Цзяци, которая в двадцать девять лет даже не пригласила ее на свадьбу, и пятнадцатилетнюю Тянь Цзяци, сдерживающую слезы. В памяти всплыли слова Цю Юйжоу: «Ты глупая? Вы же совсем разные люди!»

Звон в голове прервал раздумья. Сладкий голос Системы напомнил: — Дорогая хозяйка, приступайте к учебе. Если не завершите вечернее задание, вас ждет наказание, которого вы точно не хотите.

Сюй Цзыжань вздрогнула, забыв о грусти, и открыла панель заданий. Там значились контрольные по литературе, математике, английскому и физике...

— Небо, за что?!

Сюй Цзыжань была в ужасе. Литературу и английский еще можно как-то осилить, но математика и физика? Она все забыла! Она мысленно взмолилась: ну ладно, пусть будет система любви, но зачем лезть в учебу?

Однако делать нечего. Два часа спустя она смяла черновик в комок. Ускорение? Импульс? Она правда это учила? Она отшвырнула ручку. Тот, кто может выполнить это в таком состоянии — не человек, а бог!

Она не хотела думать о наказании, ей хотелось просто перевернуть стол и спросить у небес: зачем она здесь?

Недовольно отложив тетради, она снова вспомнила о письме. Любопытство пересилило, и она решила дочитать.

«Дорогая Жаньжань:

Как жаль, что мы не стали соседками по парте. Если бы знала, что учитель позволит выбирать места, я бы пришла раньше...»

Письмо было наполнено пустяками, опечатками, закрашенными сердечками — все как любила Тянь Цзяци. В конце было написано:

«...Завтра твой день рождения, поздравляю заранее. Утром проверь почтовый ящик, у меня для тебя сюрприз.

От любящей тебя +7»

Сюй Цзыжань замерла, глядя на календарь. Сегодня двадцать третье февраля. Завтра — ее день рождения.

Она сжала кулаки, чувствуя ком в горле. Как же она была неправа сегодня! Пятнадцатилетняя Тянь Цзяци готовилась к ее дню рождения, а она решила разорвать с ней все связи. Впереди у них было еще десять лет воспоминаний, а она хотела закончить всё сейчас.

<http://bllate.org/book/21772/2251544>